

КИТАЙСКО-ЯПОНСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В ООН

Виталий Толстой

Организация Объединенных Наций была создана государствами, победившими во Второй мировой войне, формально в качестве инструмента для поддержания мира, а реально — для закрепления своего положения победителей и влияния на послевоенное устройство мира.

Число стран — членов ООН со временем значительно возросло. КНР и Япония — противники во Второй мировой войне — стали членами ООН в разные годы и при различной международной и внутренней обстановке. В настоящее время эти страны имеют различный статус в ООН. КНР, в отличие от Японии, является постоянным членом Совета Безопасности ООН и совершенно не заинтересована в повышении статуса Японии в этой организации. Токио ставит одной из важнейших внешнеполитических задач включение в число постоянных членов Совета Безопасности, поскольку этот статус дает стране мощный рычаг для отстаивания своих политических и экономических интересов и в глобальном масштабе, и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Значение Азиатско-Тихоокеанского региона все более возрастает в контексте мировой политики и экономики. Можно смело утверждать, что АТР — самый «взрывоопасный» (где латентно протекают определенные процессы) регион мира. Именно в АТР находится большинство разноплановых «тяжеловесов» мировой политики и экономики: КНР, США, Россия, Япония, а также стран с меньшим «весом», но уже обладающих некоторым ядерным потенциалом (Индия и Пакистан) или активно разрабатывающих ядерное оружие (КНДР).

В АТР сосредоточены тугий узел геополитических проблем: северокорейская ядерная программа, отношения КНР и Тайваня, обоснованная обеспокоенность соседей КНР по региону стремительным ростом ее военно-экономического потенциала, взаимные территориальные претензии некоторых стран региона, основная проблема — китайско-американские отношения и, как их составляющая, — китайско-японские отношения.

Особенно пристальный интерес аналитиков вызывают китайско-японские отношения, характеризующиеся напряженностью сразу по нескольким направлениям: политическое (из-за статуса Японии как военно-политического союзника США), экономическое (из получателя японских инвестиций и технологий КНР превратилась в серьезного торгово-экономического соперника Японии; кроме того, возрастают потребности КНР и Японии в источниках сырья и энергии), историческое (нега-

тивная историческая память китайцев в отношении японцев), территориальное (претензии КНР на острова Сэнкаку, принадлежащие Японии).

Проблематика китайско-японских отношений тщательно изучается политологами КНР [16], США [21], Японии [22] и других стран. В подавляющем большинстве работ рассматриваются политические, экономические, военно-политические и другие аспекты двусторонних отношений. Однако автором не найдено работ по китайско-японским отношениям, комплексно анализирующих следующие аспекты: путь обеих стран к нынешнему их статусу в ООН, использование членства в ООН для достижения своих национальных приоритетов, противоречия между Пекином и Токио, возникающие при реализации этих приоритетов. Анализ перечисленных вопросов и является целью данной статьи.

Какие цели преследует Токио, желая стать постоянным членом Совета Безопасности ООН? Одна из основных внешнеполитических задач Японии в настоящее время — решить территориальный спор с Россией. У Японии сейчас нет (как не было и раньше) рычагов воздействия на Россию. Ни экономическое преимущество, ни фактор военно-политического союза с США в данном случае «не работают». Проблему можно решить только целенаправленным и скоординированным блокированием на уровне ООН действий России, направленных на обеспечение ее национальных интересов. Такая тактика, как предполагается, рано или поздно вынудит Россию торговаться за более приоритетные для нее направления, а «разменной монетой» могут стать несколько островов.

Курс на статус постоянного члена Совета Безопасности для правящей партии, для правительства — это еще и борьба за власть внутри страны. Достижение Японией подобающего международного положения, соответствующего ее экономическому могуществу, означает триумф в истории страны, в том числе и триумф отдельных личностей.

Еще одна важная задача для Токио — посредством более высокого статуса заблокировать китайские интересы. Есть все основания полагать, что в Японии в настоящее время (и в обозримом будущем) рассматривают КНР как главную угрозу национальной безопасности. В свою очередь Пекин (после принятия новой военной доктрины в 1994 г., вызванной изменением военно-политической обстановки в мире в результате распада СССР) видит в Японии «сильного процветающего врага», «вероятного противника № 1 среди стран Азии» [2]. Позволить Японии войти в Совет Безопаснос-

Автор:

Толстой Виталий Петрович — доцент кафедры теории и практики перевода, заведующий отделением восточных языков Минского государственного лингвистического университета

Рецензенты:

Синица Вадим Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета

Ларионов Денис Геннадьевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом анализа политических проблем государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь

ти ООН на постоянной основе — означает для Пекина признание де-факто окончательного отхода от принципов послевоенного (ялтинского) устройства мира, где Япония была побежденной страной, и предоставление последней тех же рычагов воздействия на геополитическую и региональную ситуацию, которые находятся в распоряжении Пекина. Поэтому КНР осуществляет курс на сдерживание Японии на пути к постоянному членству в Совете Безопасности. Каким образом реализуется этот курс? От средств официальной дипломатии (трибуна ООН, например) до «народной» дипломатии (Интернет-петиции против вступления Японии в Совет Безопасности ООН, анти-японские демонстрации и нанесение ущерба японскому бизнесу в КНР и т. п., причем поводом для подобных выступлений могут быть события, далекие от политики). Наверняка используются и методы тайных операций, о которых обычно становится известно через десятилетия. Или, например, Пекин предоставляет экономическую помощь на выгодных условиях странам Африки, а между тем позиция Африканского союза по поводу возможной реформы (расширения) Совета Безопасности ООН пока не совсем ясна [15, р. 12].

Несмотря на то, что китайско-японское соперничество в ООН началось отнюдь не с момента вступления обеих стран в организацию, представляется целесообразным проследить в общих чертах путь КНР и Японии в этой организации.

В любом справочнике соответствующей тематики указано, что КНР является членом ООН (и постоянным членом Совета Безопасности) с 1945 г., а Япония — с 1956 г., поэтому следует начать со «старшего». Впрочем, при дальнейшем изучении вопроса выясняется, что КНР стала членом ООН в 1971 г. — после того, как этого статуса был лишен Тайвань. Но, собственно говоря, ошибки никакой нет: Тайвань — неотъемлемая часть КНР, следовательно, КНР имеет статус члена ООН с 1945 г.

Один из «архитекторов» ООН — США — были крайне заинтересованы в том, чтобы антикоммунистический Тайвань представлял китайскую нацию в ООН и был надежным союзником США в сдерживании коммунизма в Азии. В 1950-х гг. Пекин пытался требовать у мирового сообщества права быть членом ООН. Поскольку дипломатическими методами решить этот вопрос было сложно — КНР была слаба и политически и экономически, — Пекин прибег к военной силе, чтобы напомнить всему миру о своем праве на Тайвань и нелегитимности его ООНовского статуса. В августе—сентябре 1958 г. произошел тайваньский кризис, в ходе которого Национально-освободительная армия Китая (НОАК) блокировала несколько островов, подконтрольных Тайваню. Тайваньский кризис грозил перерасти в масштабный военный конфликт, но СССР решительно выступил в поддержку КНР, и развитие конфликта было остановлено. Японский исследователь китайско-японских отношений Икэда Макото высказывает свою версию, что, если бы не корейская война, КНР еще в первой половине XX в. предприняла бы захват Тайваня. Для этого, якобы, были подготовлены все необходимые ресурсы, но их пришлось задействовать в корейской войне [12, р. 164].

Для того чтобы и в дальнейшем гарантировать Тайваню статус члена ООН, США и их союзники обеспечили принятие Генеральной Ассамблеей документа, определявшего процедуру возможного голосования по проблеме членства КНР в ООН как две трети голосов в Генеральной Ассамблее. Это означало в международной ситуации того времени бесперспективность надежд руководства КНР на ООНовский статус.

Однако прошло всего десятилетие, и ситуация кардинально изменилась. США и их союзники прямо или косвенно способствовали вступлению КНР в ООН. Наблюдая в 60-х гг. XX в. за ужесточением антисоветского курса Пекина, Вашингтон не преминул разыграть так называемую «китайскую карту» в борьбе против СССР. С целью ослабления позиции Советского Союза на международной арене США и их союзники прямо или косвенно способствовали вступлению КНР в ООН в 1971 г., после чего последовало американо-китайское сближение и признание Тайваня территорией КНР (что, впрочем, не помешало Вашингтону использовать теперь уже «тайваньскую карту»).

В последующие годы китайская дипломатия, возможно, удовлетворенная достигнутыми рубежами — обретение статуса постоянного члена Совета Безопасности, признание США, другими странами Запада и Японией Тайваня неотъемлемой частью КНР и разрыв отношений этих стран с Тайванем, установление дипломатических отношений с развитыми странами мира, — ничем примечательным (помимо антисоветской риторики) не отметилась. И, кроме того, китайскому руководству необходимо было сосредоточить усилия на грандиозных экономических реформах с привлечением западного и японского капитала. Вскоре процесс экономической либерализации «сверху» в китайском обществе обусловил демократические тенденции «снизу». Это привело к событиям лета 1989 г. и затем к охлаждению отношений с Западом.

Однако незадолго до этого Пекин нормализовал отношения с Москвой. После распада СССР отношения КНР и России продолжали развиваться по восходящей линии. Почувствовав силу, Пекин попытался играть самостоятельную роль в качестве региональной державы и как один из силовых центров.

В новых геополитических условиях китайское руководство неоднократно заявляло о неприятии концепции однополярного мира и мирового доминирования США. Для решения своих внешнеполитических задач Пекин активно использовал трибуны ООН. КНР блокировала в Совете Безопасности ООН американские проекты резолюций по Ираку в 1998 г., по Ирану — в 2006—2007 гг., жестко критиковал НАТО за операцию в Югославии в 1999 г., а также за расширение на восток, воздерживался при голосовании прозападной резолюции по проблеме Косово. В 2007 г. КНР заняла категорическую позицию по Мьянме, идущую вразрез с мнением Запада. В том же году КНР сорвала встречу «шестерки» по Ирану. Создается впечатление, что вторая «холодная война» идет уже между США и Китаем, где последний унаследовал в значительной степени советский стиль в мировой политике — противостояние с «цитаделью» им-

периализма и миролюбивая риторика с одновременным напряжением всех ресурсов страны на военный потенциал. Пекин призывает других постоянных членов Совета Безопасности ООН взять обязательство неприменения первыми ядерного оружия (ядерная доктрина Пекина не предусматривает упреждающего ядерного удара [2]). Но Россия и другие члены Совета Безопасности не поддержали это предложение. КНР выступает за предотвращение гонки вооружений в космосе и одновременно разрабатывает (со значительной помощью России) грандиозную космическую программу. В то же время призыв Токио ко всеобщему запрещению испытаний ядерного оружия Пекин воспринял не сразу и не полностью — подписал договор, но не ратифицировал [9, р. 7].

При решении задач регионального уровня КНР активно противодействует в ООН попыткам некоторых стран поднять вопрос о возвращении Тайваню статуса члена ООН.

Китайское руководство постоянно подчеркивает, что твердо следует духу и букве Устава ООН как организации, возникшей благодаря победе во Второй мировой войне стран антигитлеровской коалиции, как инструменту, призванному закрепить послевоенный мировой порядок. Именно поэтому КНР крайне осторожно относится к любым проектам реформирования ООН, которые предлагаются некоторыми странами и Японией в том числе.

С момента основания ООН «двери» этой организации в течение 11 лет не открывались для Японии как побежденной страны. Тесный альянс с США (по договору 1951 г.), значительный экономический рост 1955–1957 гг., нормализация отношений с СССР в 1956 г. — вот основные факторы, прямо или косвенно сказавшиеся на улучшении внешнеполитической репутации Японии и решении проблемы вступления в ООН. Став членом ООН в декабре 1956 г., Токио рассчитывал с ее помощью решить территориальную проблему с СССР, нормализовать отношения с соседями по Юго-Восточной Азии, гарантировать национальную безопасность. Однако активное вовлечение Японии в орбиту американских интересов, с одной стороны, и разочарование японского общества в возможностях ООН того времени — с другой, определили линию Японии в отношении ООН, а именно: следование в фарватере американской стратегии. Уже в 1957 г. на заседании Генеральной Ассамблеи Токио заявлял о необходимости пересмотра Устава ООН, поскольку организация оказалась не способна решать кризисные ситуации, в частности отстаивать демократические изменения в странах — членах ООН [23, р. 28]. Речь шла о событиях в Венгрии 1956 г. и нетрудно догадаться, чей «заказ» выполнял Токио. Впрочем любую критику ООН японским руководством не следует однозначно воспринимать как заявку из Вашингтона. Каждое новое правительство Японии стремилось проявить себя хоть в какой-то степени самостоятельным в пику тем, кто критикует Токио за излишнюю приверженность США.

В 1963 г. Япония стала членом ГАТТ, а в 1964 г. Токио принял Олимпийские игры, что фактически означало возвращение Японии в международное сообщество после Второй мировой вой-

ны. В 1968 г. ВВП Японии превзошел ВВП ФРГ [4, с. 103]. Чем весомее становилась экономическая мощь Японии, тем более недовольным и разочарованным ООН становился Токио — политическое влияние страны по-прежнему оставалось на невысоком уровне. Можно предположить, что в Токио серьезно задумались о статусе постоянного члена Совета Безопасности ООН именно на стыке 60-х и 70-х гг. прошлого века. Особенно после того, как этот статус получила КНР. Еще одним событием, упрочившим курс японского руководства на Совет Безопасности ООН, вероятно, явилось исчезновение СССР с политической карты мира. Во времена СССР роль Японии в противостоянии между Вашингтоном и Москвой была понятна и практически не подвергалась (внутри японского общества) сомнению. В изменившихся геополитических условиях образ Японии как верного «оруженосца» США уже изрядно многим в Японии надоел. Широкая общественность, оппозиционные партии (делающие на этом свои избирательные кампании) требовали сокращения американского военного присутствия и даже полного вывода, призывали каждый новый Кабинет Министров проводить более самостоятельную внешнюю политику, достойную экономической сверхдержавы. Для этого был необходим статус постоянного члена Совета Безопасности ООН. В Токио сознавали, что заполучить такой статус без предварительной подготовки невозможно. Поэтому с 1982 г. Япония объявила о намерении принять участие в миротворческой деятельности ООН. Однако лишь с 1992 г. Японии доверили отправить своих военнослужащих под флагом ООН в конфликтные регионы мира. К 2007 г. в активе Токио насчитывалось семь миротворческих миссий [17, р. 55]. На этом фоне количество миссий КНР (около 20 с 1990 г.) выглядит гораздо внушительнее [7, р. 92]. Одной из причин отставания Японии от КНР в сфере, где Токио крайне необходимы «зачетные очки», являлась (согласно японской Конституции) юридическая невозможность (до 1992 г.) отправки военнослужащих сил самообороны Японии за рубеж. Кроме того, на решениях Совета Безопасности ООН о миротворческих миссиях сказывается и позиция Пекина в сдерживании (где только возможно) Токио.

Как известно, в Совете Безопасности предусмотрены (с 1965 г.) 10 непостоянных членов, избираемых на двухгодичный срок. Япония за 50 лет пребывания в ООН 9 раз избиралась в число «десятки». Это абсолютный рекорд в ООН, который Токио громко рекламирует как признание руководством организации и мировым сообществом значимости вклада Японии в дело мира и прогресса и намерен в 2008 г. вновь выдвинуть свою кандидатуру на десятый срок [13, р. 4].

Самый весомый аргумент в пользу Японии для получения статуса постоянного члена Совета Безопасности — японский ежегодный финансовый взнос в ООН, размер которого начал расти в начале 70-х гг. Так, в 1974 г. он составил 7,2 % — третье место после США и СССР (25 и 13 % соответственно). Поступательно возрастая, отчисления достигли в 1986 г. 10,8 %, и с тех пор Япония занимает второе место после США [10, р. 19]. Этот факт может служить косвенным подтверждением выс-

казанного выше предположения о появлении в 70-х гг. задачи у японского руководства войти в число постоянных членов Совета Безопасности. Непрерывно увеличивая финансовую поддержку ООН, в Токио, видимо, рассчитывали на то, что о японской щедрости не забудут. В 2006 г. Япония внесла в ООН 19,5 % общего объема взносов. В том же году КНР заплатила всего 2 % [15, р. 4]. Эта ситуация чрезвычайно раздражает Токио: 20 лет подряд страна выделяет огромные средства (больше, чем остальные четыре члена Совета Безопасности вместе взятые, исключая США), а вопрос о статусе постоянного члена Совета Безопасности ООН для Японии безнадежно увяз. В условиях, когда в японском обществе растет недовольство линией Кабинета Министров в отношении ООН, когда оппозиция жестко критикует правительство и премьеров, когда экономика страны с начала 1990-х гг. испытывает серьезные проблемы, японское руководство упорно, как добросовестный японский гражданин, платит подоходный налог, делает отчисления в ООН. Это также косвенно подтверждает наличие сверхзадачи у Токио — попасть в Совет Безопасности ООН.

Китаока Синъити, заместитель представителя Японии в ООН, утверждает, что обладание правом вето не является самоцелью для Японии [19, р. 16]. С этим мнением можно было бы согласиться при условии незыблемости американо-японского альянса и, что еще важнее, равноправия Японии в нем. Однако даже в Японии известно, что в Вашингтоне в первую очередь думают об американских интересах, что США неоднократно предпринимали действия, не согласовывая их со своим союзником, или занимали позицию, не отвечающую интересам Японии. Именно тесные связи Японии и США и практически сходные позиции обеих стран в ООН в течение многих десятилетий стали основным аргументом противников нового статуса Японии в Совете Безопасности.

Поскольку при нынешнем Уставе ООН Япония едва ли получит статус постоянного члена Совета Безопасности, Токио предпринимает обходной маневр: призыв к реформе ООН. Среди различных направлений предполагаемого реформирования обозначаются три главных: реорганизация Совета Безопасности (расширение), усиление миротворческих функций, административно-налоговая реформа. То, что реформа ООН (в том или ином виде) давно назрела, очевидно даже руководству организации. В 2003 г. в структуре организации был создан отдел по разработке изменений Устава ООН [6, р. 10]. И Устав ООН, где есть упоминание о «вражеском государстве» (т. е. странах «оси»), и состав Совета Безопасности отражают реалии 1945 г., и это очень серьезный аргумент сторонников реформы. Для внесения изменений в Устав и состав Совета Безопасности необходимо согласие двух третей членов ООН (128 стран из 191) и всех его постоянных членов. Совместно с Бразилией, Германией и Индией Япония (группа G-4) более 10 лет продвигает проект реформы Совета Безопасности, который получил поддержку более 60 членов ООН [18, р. 12]. Но группа из 20 стран, куда входят Пакистан, Южная Корея, выступает против (Пакистан — давний военно-поли-

тический партнер КНР и соперник Индии, Южная Корея — извечный оппонент Японии. Не вызывает сомнений их скоординированное противодействие интересам Японии).

Всякий раз, когда Токио пытается доказать мировому сообществу, что Япония естественно и гармонично соответствует духу и сути Совета Безопасности (неучастие в войнах, отсутствие ядерного оружия, огромный взнос и т. д.), из Пекина раздается критика возрождения японского милитаризма, укрепления военно-технического сотрудничества Японии и США. Есть основания полагать, что организация кампании в Интернете против вступления Японии в Совет Безопасности, антияпонские демонстрации и погромы в КНР весной 2005 г. имели целью торпедировать японскую инициативу по расширению Совета Безопасности.

Пекин и Токио конфронтируют не только по вопросу Совета Безопасности и реформы ООН, но и по другим вопросам, находящимся в компетенции организации. Например, экология. Общеизвестно, что доля угля в энергетике КНР доходит до 70 % [7, р. 64], что вызывает эмиссию так называемых «парниковых газов», составляющих 15 % от общемировой [14, р. 82]. Для Токио — это и повод покритиковать оппонента с трибуны ООН, и постановка вопроса о ситуации, оказывающей непосредственное негативное влияние на Японию. Зональные ветры восточного направления относят за-грязненные воздушные массы из КНР в сторону Японии, поэтому обеспокоенность Токио нетрудно понять.

Еще одним поводом для Токио критиковать Пекин, обвиняя его в милитаризме и непрозрачности военных приготовлений, является неприсоединение КНР к рамочной конвенции ООН о запрещении противопехотных мин. В отличие от Японии, не имеющей сухопутных границ, КНР имеет протяженную границу с Россией, Индией и другими странами, преимущественно в горной местности. Это обстоятельство, а также возможность поставок мин на экспорт вынуждают Пекин игнорировать ООНовскую конвенцию. Впрочем определенное давление международного сообщества заставило КНР заявить в 2003 г. о прекращении производства мин. Учитывая оценочное количество мин в КНР в 110 млн штук [1], Пекин действительно может позволить себе заморозить их производство. Аналогичная ситуация сложилась вокруг международного соглашения по запрещению экспорта переносных зенитно-ракетных комплексов (ПЗРК), которое Пекин отказался подписывать [5]. А репутация Токио по проблеме мин и ПЗРК безупречна на мировой арене. Кроме того, согласно данным сайта ООН [20], Япония в отличие от КНР ежегодно предоставляет информацию о количественном составе сил самообороны. Поэтому закономерно, что Пекин без энтузиазма воспринимает миролюбивые акции Токио в ООН. О призыве Японии ко всеобщему запрещению испытаний ядерного оружия уже говорилось выше, а проект японской резолюции по ядерному разоружению, представленный еще в 1994 г., Пекин обошел молчанием [9, р. 7].

Вопрос прав человека, находящийся в рамках компетенции ООН, также является предметом взаимной критики между Пекином и Токио. Посколь-

ку на Западе в политических и правозащитных кругах только «ленивый» не поднимает тему прав человека в КНР, Токио также напоминает мировому сообществу об антидемократичном характере политического и государственного строя Китая. Высокопоставленные чиновники японского МИДа, госаппарата и парламента указывают на подавление свобод национальных меньшинств в КНР (самый последний пример — события в Тибете), преследование инакомыслящих, как политических, так и религиозных, например членов секты «Фалун-гун», государственный контроль за СМИ и другие проблемы. В свою очередь Пекин упрекает Токио за дискриминацию иностранцев (в том числе — китайцев) в Японии. Это действительно имеет место, однако никак не связано с государственной политикой, т. е. эта проблема менее актуальна, чем пытается изобразить Пекин. Вообще в условиях взаимной неприязни Пекина и Токио трудно ожидать, что КНР поддержит Японию в какой-либо сфере. Вот характерный пример 2005 г. В проекте «Международный термоядерный экспериментальный реактор» местом строительства реактора из стран — участниц проекта была выбрана Франция, а не Япония (как ожидалось, кандидат № 1). КНР, также участница проекта, шансов на победу не имела и поддерживала Францию [2]. Поскольку речь идет о новом источнике энергии, в Пекине, видимо, предпочитают видеть реактор в любой другой стране, но только не в Японии.

В настоящее время шансы Японии на постоянное членство в Совете Безопасности ООН пока неопределенны. К весне 2005 г. Токио заручился поддержкой 110 стран — членов ООН (если речь идет о расширении Совета Безопасности только для Японии) [11, р. 49]. Очень многое в этой ситуации зависит от других постоянных членов Совета Безопасности ООН. Позиция КНР в целом ясна. Вашингтон одобряет вхождение в Совет Безопас-

ности одной Японии и против группы G-4. Можно предположить, что Вашингтон заинтересован в консервации нынешней ситуации. Япония сейчас крепко привязана к американской стратегии. А став постоянным членом Совета Безопасности ООН, Япония могла бы проводить более самостоятельную политику. Кроме того, у Вашингтона уже есть стратегический союзник в Совете Безопасности — Великобритания (Франция поддерживает Японию, а Великобритания осторожничает). Россия не спешит окончательно обозначить свою позицию, но едва ли Москва искренне заинтересована увидеть Токио в Совете Безопасности.

Таким образом, на пути в Совет Безопасности ООН Япония встречает практически непреодолимую преграду — КНР. Пекин стремится не допустить, чтобы страна, унижавшая Китай и другие страны Азии на протяжении многих десятилетий в XX в., заполучила вождя статус. Используя негативную в отношении Японии историческую память народов Азии, подхватывая поводы, предоставляемые самой Японией (японские учебники истории, в которых порой искажаются или замалчиваются исторические факты, посещение высшими должностными лицами страны храма, где канонизированы военные преступники, и т. п.), Пекин разворачивает кампанию критики в адрес Токио, чтобы обратить внимание мирового сообщества на неготовность Японии войти в Совет Безопасности ООН на правах постоянного члена. Впрочем при условии мирного развития ситуации в АТР гипотетически можно предположить, что КНР рано или поздно откроет дорогу Японии в Совет Безопасности, но чем готов пожертвовать Токио? В любом случае вокруг этой проблемы все туже закручивается интрига глобального масштаба, что придает еще большее напряжение китайско-японскому соперничеству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основные сведения [Электронный ресурс] // International Campaign to Ban Landmines. Режим доступа: <<http://www.icbl.org/lm/2003/findings.ru.html>>. Дата доступа: 23.03.2008.
2. Панорама //Япония сегодня. 2005. № 8. С. 2.
3. Репко, С. Мы никогда не будем союзниками // Независимое воен. обозрение. 1996. 28 июня.
4. Родригес, А. Новейшая история стран Азии и Африки. XX век: в 3 т. Т. 2. М.: Владос, 2004.
5. Серенко, А. Штурмовики-беспилотники плюс воздушный «штрафбат» [Электронный ресурс] // Независимое воен. обозрение. Режим доступа: <http://nvo.ng.ru/wars/2007-08-10/2_afgan.html>. Дата доступа: 21.03.2008.
6. Akashi, Y. Toward Full Membership in the Global Community // Japan Echo. 2005. V. 32. Special Issue. P. 8–11.
7. China in Diagrams. Beijing: China Intercontinental Press, 2004.
8. Diplomatic Bluebook. Tokyo: The Ministry of Foreign Affairs of Japan, 1997.
9. Disarmament and Non-proliferation: Japan's Efforts. Tokyo: The Ministry of Foreign Affairs of Japan, 2007.
10. Facts and Figures of Japan. Tokyo: Foreign Press Center, 1998.
11. Hanaoka, N. A Timeline for UN Reform // Japan Echo. 2005. V. 32. Special Issue. P. 49–50.
12. Ikeda, M. Sekai-no naka-no nitchu-no kankei. Kyoto: Horitsubunkasha, 1996 (на яп. яз.).
13. Japan in the UN Security Council — Our Viewpoint. Tokyo: The Ministry of Foreign Affairs of Japan, 2007.
14. Japan. 2000. An International Comparison. Tokyo: Japan Institute for Social and Economic Affairs, 2000.
15. Japan's Efforts for Reform of the UN. Tokyo: The Ministry of Foreign Affairs of Japan, 2006.
16. Jin, X. The Background and Prospects of Sino-Japanese Partnership // China, US, Japan and Russia in a Changing World. Beijing: Social Sciences Documentation Publishing House, 2000. P. 148–152.
17. Kawahara, Y. An Integral Part of the World: Japan's Ties with the International Community // Japan Echo. 2005. V. 32. Special Issue. P. 50–56.
18. Kitaoka, S. Answering China's Japan Bashers // Japan Echo. 2005. V. 32. Special Issue. P. 12–17.
19. Kitaoka, S. Time for a Permanent Seat on the Security Council // Japan Echo. 2005. V. 32. N 2. P. 13–17.
20. Register of Conventional Arms [Electronic resource] // United Nations. Mode of access: <<http://disarmament2.un.org/cab/register.html>>. Date of access: 27.03.2008.
21. Ross, R. The Balance of Power in the 21st Century East Asia // China, US, Japan and Russia in a Changing World. Beijing: Social Sciences Documentation Publishing House, 2000. P. 37–45.
22. Tanaka, N. Japanese-Chinese Economic Relation in the 21st Century // China, US, Japan and Russia in a Changing World. Beijing: Social Sciences Documentation Publishing House, 2000. P. 153–162.
23. Watanabe, H. Japan's UN Diplomacy: History and Current Issues // Japan Echo. 2005. V. 32. Special Issue. P. 26–30.

«Китайско-японское соперничество в ООН» (Виталий Толстой)

В статье раскрывается суть противоречий между КНР и Японией в рамках их членства в ООН, рассматривается международная политическая обстановка в момент вступления обеих стран в организацию. Автор анализирует цели японского руководства, стремящегося повысить статус Японии в ООН, и препятствия на этом пути, а также позицию КНР и методы по блокированию продвижения Японии в число постоянных членов Совета Безопасности. По мнению автора, Азиатско-Тихоокеанский регион — самый взрывоопасный регион мира, и вокруг китайско-японского соперничества в ООН закручивается интрига глобального масштаба, которая повышает и без того высокий «градус» китайско-японских противоречий на фоне китайско-американского противостояния.

«Chinese and Japanese Rivalry in the United Nations» (Vitaly Tolstoy)

The article exposes the gist of the contradictions between the People's Republic of China and Japan within their UN membership. It also reviews the international political situation at the moment of both countries' accession to the organization. The author analyses the objectives of the Japanese leadership aiming to raise the status of Japan in the UN and the obstacles to that, as well as the PRC position and its methods of blocking Japan's promotion to the permanent membership of the Security Council. According to the author the Asian Pacific Region is the most explosive place in the world and the Chinese-Japanese rivalry in the UN is the centre of a global intrigue which heightens the Chinese-Japanese controversy against the background of Chinese-American confrontation.